

ЕГИПЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

АШРАФ ЭЛЬ САББАХ

(Египет)

Ключевые слова: арабские революции, Тунис, Египет

Тунисский режим пал первым: через 34 дня после начала революционных событий президент Зейн аль-Абидин Бен Али бежал за границу. В Египте же уже через 18 дней президент Хосни Мубарак отказался от власти.

И в Тунисе, и в Египте власти были уверены в эффективности репрессивных мер: оба режима привыкли в рекордные сроки подавлять демонстрации вдали от глаз иностранных журналистов. В обеих странах правительственные средства массовой информации находились в полном подчинении у режима. Иностранцам же журналистам за освещение акций протеста грозили лишение аккредитации и высылка из страны. Тем не менее, мировые СМИ сумели обеспечить трансляцию революционных событий в прямом эфире, в результате чего правящие режимы двух стран оказались в полном тупике.

Египетский режим, как и тунисский, рассчитывал на доверие западных стран, особенно США (в случае Египта) и Франции (в случае Туниса). Оба режима всегда заверяли Запад, что они защищают его интересы от исламских экстремистов, а он в ответ должен закрывать глаза на нарушения ими прав человека, рекламировать их «фасадную» демократию и поменьше вмешиваться в их внутренние дела. Запад, особенно Вашингтон, поддерживал эти режимы, предоставляя им финансовую помощь и льготные кредиты, а также разрабатывая политические и социальные программы, ко-

О египетской революции 25 января 2011 года трудно говорить, абстрагируясь от революции 14 января в Тунисе. Автор этих строк был свидетелем обеих революций как политический наблюдатель и корреспондент российского арабоязычного телеканала «Русия аль-Яум».

которые позволяли им укреплять свою власть над народами.

Демократические процессы в Тунисе и Египте назревали давно. Обе страны были насквозь поражены коррупцией. Более четверти века политическая жизнь обеих стран находилась в застое.

Не имея ни малейшего шанса победить в честной борьбе, оппозиция деградировала, превратившись в конгломерат маргинальных политических сил, то выступавших против режима, то сближавшихся с ним. В свою очередь, правящие партии, застрахованные от поражения при любых обстоятельствах, закоснели, как любой живой организм, лишенный возможности двигаться. Со своими оппонентами правящие партии обходились как с заклятыми врагами. Давление на оппозицию осуществлялось как через соответствующие законодательные меры, так и при помощи административных рычагов. Правящими партиями в Египте и Тунисе овладела мания величия: они возомнили, что могут управлять своими странами единолично.

Несомненно, многим демократия представляется волшебным ключиком, открывающим дверь в

новый, счастливый мир. Но большинство хочет поставить демократию на службу своим интересам. «Просвещенные» коммерсанты видят в ней средство обойти закон. Для богачей же, сделавших состояния незаконным путем, демократия означает всего лишь возможность неограниченно тратить деньги сомнительного происхождения. Немногочисленные «мечтатели» из числа молодежи, писателей и журналистов жаждут освобождения от гнета цензуры. Рабочий и крестьянин ждут от демократии повышения заработка.

В сущности, демократия означает, что человек может участвовать в выборах или сидеть дома, если хочет; что он может самым резким образом критиковать религиозных деятелей и политиков, читать книги и смотреть фильмы, какие ему по душе. В условиях экономической свободы человек может выбирать, покупать ли ему товары дорогие или дешевые. Любой человек имеет возможность быть в оппозиции к президенту и правительству, выражать недовольство действиями того или иного официального лица. Но если демократия становится всего лишь декорацией, она может лишь временно обеспечивать в стране хрупкую политическую стабильность и не способна вывести ее из болота отсталости и периодических социальных потрясений.

«ТУНИССКАЯ ЗАРАЗА»

25 января, в День полиции, египтяне решили самостоятель-

Автор на площади ат-Тахрир в Каире.

но, без участия лидеров соглашательской оппозиции, выйти на улицы - но не для того, чтобы отметить праздник, а для того, чтобы выступить и против полиции, и против органов безопасности, и против режима в целом.

Традиционная оппозиция на сцене отсутствовала: это было следствием многочисленных ошибок, совершенных ею за минувшие два с половиной десятилетия. Национально-прогрессивная партия (НПД), получившая на последних выборах несколько мест в Народном собрании (парламенте), заявила, что не примет участия ни в каких акциях. Позиции партии «Вафд» сильно подорвала расправа над журналистами, учиненная ее лидером и раскрывшая истинное диктаторское лицо этой партии¹. Что касается «Братьев-мусульман», они находились под запретом, а их программные установки не совпадали с чаяниями большинства египтян. И, судя по всему, здесь тоже не обошлось без негласных договоренностей с режимом.

Египетская «улица» оказалась один на один с режимом, как это было во время событий 18-19 января 1977 г., когда оппозиционеры обсуждали революцию по квартирам и барам, а она творилась на улицах. Тогда силовым структурам удалось подавить на-

родное выступление. Но в этот раз ситуация была иной.

«Тунисская зараза» стала распространяться, а средства коммуникации начали играть поистине историческую роль. Постоянные репрессии, безработица, диктатура и коррупция породили страстное стремление покончить с существующим режимом, который явно сделал ставку на введение «наследственного» президентского правления.

Ситуация в Египте была похожа на тунисскую. В минувшие годы много египтян погибло от рук сотрудников органов безопасности и полиции. Некоторых отчаяние и отсутствие надежды толкнули на самоубийство. Массовая безработица, всеобщая коррупция и засилье бюрократии дополнялись произволом органов безопасности. Результаты выборов систематически фальсифицировались. Правящая НДП удерживала большинство во всех государственных институтах, и в первую очередь в Народном собрании. Оппозиционные партии погрязли в коррупции и состояли в сговоре с правящим режимом.

С началом манифестаций органы безопасности Египта оцепили города и деревни, обрушив на их жителей жестокие репрессии, как это произошло в Суэце. Кроме того, они стали блокировать группы демонстрантов, чтобы изолировать их и не дать им объединиться в крупные группировки. Силовые структуры применили против демонстрантов средства и виды вооружения, с которыми те раньше не сталкивались. Одновременно режим сделал ставку на лидеров «карманных» оппозиционных партий, рассчитывая с их помощью сдержать манифестантов.

Утверждения режима и зависимых от него оппозиционных партий о том, что власть в стране

готовятся захватить «Братья-мусульмане», не имели под собой оснований. В последние годы «Братья» действительно сумели частично взять под контроль египетскую улицу. Однако объяснялось это политическим и социальным гнетом, усилением репрессий, проникновением коррупции во все сферы жизни страны, деградацией образования, здравоохранения и культуры. Египтяне не стремились к установлению религиозной системы правления во главе с «Братством». Осознав неизбежность падения режима, люди стали относиться к «Братьям» как к любой другой политической силе.

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

С 28 января в Египте нарастала волна протестов и полицейских репрессий. Источники в компании *Telecom Egypt* на условиях строгой конфиденциальности сообщили мне, что сотрудникам этой компании, а также ряда других интернет-провайдеров, было предписано с 8 часов утра 28 января находиться на рабочих местах, чтобы в случае начала манифестаций блокировать доступ пользователей к сетям Фейсбук, Твиттер и некоторым другим социальным сетям. При крайней же необходимости им было приказано на время полностью блокировать доступ в Интернет во всех или некоторых районах страны.

Появилась и еще более тревожная новость: египетское министерство информации дало указание всем ведущим и постоянным гостям программ спутниковых каналов, имеющим офисы в Египте, называть происходящее исключительно «анархией» и «беспорядками». Многие из тех, кто отказался выполнять инструкцию, были отстранены от эфира, хотя министерство объяснило это конфликтом журналистов с главами редакций и авторами программ.

Между тем, Египет оказался в полной изоляции от электронных средств коммуникации. С вечера

27 января в стране были отключены мобильная связь и все коммуникационные программы, работающие через Интернет. Были закрыты все электронные социальные сети и сайты печатных изданий, кроме газет, напрямую зависимых от египетского правительства.

Охрана Каирского аэропорта запретила ряду иностранных журналистов въезд в Египет. Многие журналисты жаловались, что в городах, особенно в Каире и Александрии, им не дают свободно передвигаться, снимать и вообще работать. Корреспондентам телекомпаний и печатных изданий, как местных, так и иностранных, не давали общаться с источниками и офисами редакций, что нередко приводило к путанице в сообщениях и появлению в журналистских сообщениях противоречивой информации.

Источники, близкие к судебной системе, дали понять, что органы безопасности не остановятся перед использованием «избыточной силы» против граждан. Они предупредили, что режим готов к любым неожиданностям на фоне акций протеста, проходивших в Каире, Александрии, Суэце, Исмаилии и на Синайском полуострове. В Каире силы безопасности перекрыли пути, ведущие к центру города, и изолировали городские кварталы друг от друга, чтобы не дать манифестантам объединиться. Города Исмаилия и Суэц были закрыты, а на Синайском полуострове местные жители вступали в стычки с отрядами полиции.

Тяжелейшая ситуация сложилась в Суэце, жители которого оказались в полной блокаде. Местные источники сообщили, что город полностью блокирован, а все население находится на улицах. Авторитетный в городе шейх Хафез Салама объявил о создании народных комитетов сопротивления. События получили дальнейшее развитие после бойни, учиненной в городе силами безопасности. По словам очевидцев, в Суэце были разгромлены

все офисы правящей НДП, председателем которой был сам Хосни Мубарак, а секретарем по политическим вопросам - его сын Гамаль. Прекратили работу многие полицейские участки, где крупные полицейские чины и многие рядовые сотрудники больше не появлялись. Многие здания, принадлежавшие органам госбезопасности, были сожжены.

Тем временем площадь ат-Тажрир в Каире заполнили тысячи манифестантов. Одни встали живой цепью вокруг Каирского музея, другие приступили к очистке улиц от мусора и организовывали охрану порядка. Военные, появившиеся на улицах и площадях, сохраняли нейтралитет и обращались с демонстрантами корректно.

Командование вооруженных сил страны предостерегало от опасности выхода ситуации из-под контроля. Между тем источники в Каире сообщили о расстреле заключенных в тюрьме Абу Заабаль. Сотрудников и внештатных агентов МВД и тайных агентов полиции обвинили в поджогах, совершаемых с целью вбить клин между армией и демонстрантами.

Но самую большую ошибку египетское МВД совершило, когда подчиненные ему подразделения открыли огонь по манифестантам возле здания министерства. Солдаты внутренних войск продолжали стрелять по демонстрантам даже тогда, когда те совершали молитву за упокой души своего товарища, погибшего у дверей здания МВД.

Было ясно, что президент Мубарак твердо решил не покидать страну ни при каких обстоятельствах - даже если из Египта уедут его сыновья и «денежные мешки», контролировавшие правящую НДП, Народное собрание и египетский бизнес. Выбор Мубарака пал на двух высокопоставленных военных.

Генерал-лейтенанту Ахмаду Шафику было поручено возглавить правительство, а генерал-майору Омару Сулейману - стать

вице-президентом (известно, что за годы своего правления Мубарак даже не создал пост вице-президента, чтобы не иметь повода для лишних тревог).

Ахмад Шафик был кадровым военным, как и Омар Сулейман, который к тому же возглавлял спецслужбы и имел доступ к важнейшим документам внешнеполитического характера. Оба они были гарантами для президента даже в случае его отказа от властных полномочий. При этом Сулейман являлся еще и гарантом европейских, американских и израильских интересов.

Представители традиционной оппозиции всех оттенков пошли на диалог с вице-президентом Омаром Сулейманом, как только он дал понять им, что стремится к такому диалогу. Однако, разочарованные в его итогах, они начали искать для себя наивные и неуклюжие оправдания. В итоге осталось непонятным, для чего они вообще встречались с Сулейманом и от чьего имени говорили.

РЕВОЛЮЦИЯ В РАЗВИТИИ

Египетская революция началась с акций протеста против действий органов госбезопасности. В стране уже сложились предпосылки для перерастания этих выступлений в массовое народное движение.

У Запада, в частности, у американской администрации, которая была уверена в прочности египетского режима, особой тревоги это не вызвало. Египетские органы безопасности не сомневались в своих силах и были готовы применить любые необходимые меры для пресечения акций протеста.

Однако к тому времени Египет - в силу вышеупомянутых причин - объективно созрел для «национально-демократической» революции, не ограничивающейся социальными требованиями. В стране несколько лет действовало множество политических движений, крупнейшими из которых стали «Хватит!» («Кифайя») и «6

апреля». Появились и более мелкие политические организации левого толка: «Революционные демократы», «Справедливость и свобода - движение за социалистическое обновление» (группа, отколовшаяся от «Революционных демократов»), «Молодые братья» (группа, отколовшаяся от «Братьев-мусульман») и др.

В своем стремлении к свободе египтяне были готовы приветствовать любое достижение революции, будь то отставка главы режима или обещание принять новую конституцию и отдать под суд главных коррупционеров. Но и контрреволюция не замедлила заявить о себе. Взяв инициативу в свои руки, армия прикрылась необходимостью обеспечивать спокойствие в стране, сохранять государственный строй, а также «защищать демонстрантов и завоевания революции».

Омар Сулейман ушел из власти вместе с Мубараком и его семьей, но еще три недели после этого полномочия главы правительства сохранял Ахмад Шафик - человек, преданный прежнему режиму, один из его ревностных защитников.

Выход на сцену армии в лице Высшего совета Вооруженных сил (ВСВС), которому Мубарак, объявивший 11 февраля 2011 г. о своей отставке, официально передал власть, принес успокоение представителям прежнего режима и отчасти нейтрализовал мощь народного гнева. Военные раздали народу обещания, однако большая часть из них носила чисто декларативный характер, как и обещания Шафика.

Функционеры прежнего режима были вынуждены разыгрывать сразу несколько карт, но, видимо, именно Ахмаду Шафику было поручено стать лидером правительства в переходный период, а армии - вернуть народ к спокойствию.

Дальнейший ход событий это доказал. Команда Ахмада Шафика стала вести себя так, словно этот пост он занял навсегда. Армия отказалась сменить главных

редакторов правительственных газет, настояла на том, чтобы Мубарака и членов его семьи не преследовали, и попыталась вывести их из правового поля. Отказавшись от разработки нового Основного закона, армия навязала стране идею жизни по временной конституции, которая просто «подлатала» бы обветшалую старую. Вместо того, чтобы незамедлительно предать суду функционеров прежнего режима и их окружение, ВСВС избрал в этом вопросе тактику затягивания. Некоторых функционеров он попытался спасти от суда, объявив, что это порядочные люди, которые не действовали против народа, а только выполняли приказ; в некоторых случаях армия просто призывала египтян проявить великодушие и элементарную жалость.

Позиция продажной интеллигенции наглядно проявлялась и в искусстве, и в культуре, и в идеологии, и в работе СМИ. То же самое можно сказать и о позиции традиционных политических партий, прежде всего, НДП и «Вафда». Позиция «Братьев-мусульман» была более противоречивой, особенно в период их диалога с правительством, сформированным Мубараком перед его отставкой. Что касается «виртуальных» партий, известных лишь их учредителям или тем, кто выдавал им лицензию на политическую деятельность, то о них нет смысла даже говорить.

Таким был общий фон, на котором развернулась активная деятельность по выхолащиванию самого содержания революции. Начали ее видные представители прежнего режима, но армия также приняла в ней участие.

Как только начали возбуждаться уголовные дела против МВД и его отдельных руководителей, тут же зашел разговор о необходимости улучшить имидж органов безопасности и полиции. Когда в стране заговорили о погибших, об изнасилованных, о жертвах репрессий, появились приказы о необходимости восста-

новления спокойствия и возвращении сотрудников органов безопасности и полицейских на улицы.

Египетская «улица» кипела гневом после того, что творили в течение 30 лет с гражданами страны органы госбезопасности, а главным редакторам газет и телеведущим вменялось в обязанность сторониться этой темы. Более того, им предлагалось всячески рекламировать наступление «новой эры» во взаимоотношениях силовых структур и общества, хотя египетское МВД по-прежнему придерживалось старого мышления. Оно не собиралось извиняться за поведение своих сотрудников и не хотело проливать свет на незаконные операции, которые оно проводило на протяжении всего периода власти Мубарака, особенно когда речь шла о преступлениях, совершенных им накануне и во время революции.

ПОПЫТКИ ОСТАНОВИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ

Настояв на принятии конституционных поправок, ВСВС отверг идею принятия новой конституции. Он попытался спасти Мубарака и его семью от правосудия, а также дал указание СМИ вести себя «тихо» и не «очернять» силовые структуры. Не без поддержки Совета сохранили свои позиции некоторые деятели старого режима и, прежде всего, Ахмад Шафик, который дискредитировал себя своими заявлениями во время и после революции.

Революционным лидерам чинились всякие препоны, их роль всячески принижалась. В то же время сотрудникам органов безопасности и полицейским разрешили устраивать демонстрации и требовать реабилитации, хотя силовые ведомства еще не принесли официальных извинений за свои действия, и над ними не было проведено ни одного открытого судебного процесса. ВСВС также предоставил свободу действий некоторым группам, находив-

шимся на площади ат-Тахрир, но не имевшим никакого отношения к участникам манифестаций.

Правительственные средства массовой информации настраивали общественное мнение против демонстрантов и обвиняли революционную молодежь в саботаже.

Примечательно, что еще в начале революции США признали «Братьев-мусульман» политической и социальной силой в стране, открыв тем самым новую страницу в своих взаимоотношениях с «историческим» руководством «Братьев». Известно, что диалог между «Братями» и Вашингтоном происходил или через американское посольство в Каире, или через эмиссаров «Братьев», время от времени посещающих США.

Многие политические организации, в том числе «Братья-мусульмане», отказались участвовать в демонстрациях 25 января, хотя и позволили своим членам участвовать в них в индивидуальном порядке. Поэтому нельзя представлять дело так, будто революцию совершили левые или «Братья-мусульмане». Однако Запад, долгие годы исповедовавший «теорию заговора», изображал диктаторский режим единственной гарантией от прихода к власти в Египте «Братьев» или левых сил.

Приверженность этой точке зрения помешала Западу понять суть происходивших событий, лишила его способности контролировать процесс, направить ситуацию в русло собственных политических интересов и сохранить у власти верный ему режим.

Очень скоро традиционные политические силы Египта, в т.ч. «Братья-мусульмане», спохватились и попытались наверстать упущенное. Накануне своего падения режим Мубарака попытался использовать эти силы. Попытка эта провалилась благодаря высокой сознательности, которую проявили молодежные политические силы, создавшие «Союз революционной молодежи 25 ян-

варя». В него вошли организации и движения: «Молодежь 6 апреля»; «Молодежь за справедливость и свободу»; «Кампания в поддержку аль-Барадеи и за перемены - изменим страну вместе»; «Молодые братья», «Молодежь партии демократического фронта»; «Молодежь патриотической ассоциации за перемены», а также ряд блоггеров и независимые активисты.

Глубокий раскол пережила Национально-прогрессивная партия (НПП), молодые активисты которой выступили против старого руководства. Некоторые видные деятели НПП вышли из нее и основали Социалистический народный альянс (СНА), объединивший левые организации страны.

Уже сам призыв к созданию СНА отразил недовольство линией поведения традиционных левых партий и организаций, которые в силу ряда причин оказались неспособными к политическому действию. Впрочем, очень скоро выяснилось, что большинство лидеров СНА - это все те же старые левые политические активисты.

Возникло подозрение, что руководители одряхлевших левых партий просто хотели обновить фасад НПП, Египетской коммунистической партии (ЕКП) и Коммунистической рабочей партии (КРП). Они решили укрепить свои позиции за счет молодежных организаций, отколовшихся от этих партий и принявших действенное участие в революции, наряду с другими молодежными движениями и силами.

Поскольку левая молодежь еще не осознала собственного вклада в революцию, этот маневр «старых левых» принес свои плоды. Некоторые решили, что присутствие старых кадров придаст какую-то легитимность левой революционной молодежи и ее организациям, действующим совершенно новыми методами.

11 мая 2011 года было провозглашено создание Фронта социалистических сил (ФСС). В него

вошли пять партий, ранее действовавших в рамках Национально-прогрессивной партии или в сотрудничестве с ней: ЕКП, Египетская социалистическая партия, Партия революционных социалистов, СНА и Демократическая рабочая партия.

В декларации ФСС указывалось, что он «защищает права народных классов и национальные интересы, выступая против контрреволюционных сил, а также против сил экстремизма, реакции и религиозно-общинной розни, которые угрожают революции, единству Отечества и его будущему». Фронт заявил, что он будет «действовать рука об руку со всеми прогрессивными и демократическими силами в борьбе за достижение общих национальных целей».

Создание ФСС разочаровало многих представителей элиты, интеллигенции и обычных граждан, придерживающихся левых убеждений. Ведь новый «фронт» собрал под своей крышей всех старых лидеров и все старые организации, «опоздавшие на поезд революции».

Используя механизмы личных связей (в Каире и других городах), а также семейные и клановые узы (в сельской местности), ФСС поглотил многие организации, применявшие новые методы борьбы и сыгравшие заметную роль в революции.

Некоторые представители левых усмотрели в создании нового объединения осуществление давней мечты и победу всех левых сил, десятилетиями пребывавших в состоянии раздробленности. И мало кого смутило, что в ряды партий, составивших новое объединение, проникли старые кадры - представители деловых кругов и «политического бизнеса». Многие сочли, что эти люди смогут обеспечить финансирование Фронта, а также - учитывая их широкие семейные и клановые связи в Верхнем Египте и отдаленной «глубинке» - повести за собой широкие массы египтян.

Серьезные внутренние разно-

гласия возникли и в рядах «Братьев-мусульман». Молодое поколение «Братьев» восстало против старого руководства. Недовольство проявили и некоторые крупные руководители «Братьев», которые стали создавать партии и группы, отдельные от него. Один из них, Абд аль-Монеим Абуль-Фаттух, создал новую партию и объявил о намерении участвовать в президентских выборах.

Таким образом, очевидно, что революция потрясла устои всех традиционных политических сил, которые даже после ухода Мубарака не смогли занять позиции, отвечавшие требованиям момента.

Высший совет Вооруженных сил настойчиво пытался сохранить хотя бы часть старого политического «здания», отстранив от власти некоторых представителей прежнего режима. Однако непрекращающееся давление революционной молодежи и египетской «улицы» в целом заставляло его двигаться вперед.

Контрреволюция действовала собственными методами: деньгами, бандитским насилием, провоцированием религиозно-общинного конфликта между мусульманами и христианами-коптами. Ее застрельщиками выступали органы госбезопасности и МВД, бизнесмены, руководство НДП и продажная интеллигенция.

Салафиты² пригодились контрреволюционным силам в разжигании конфликта между мусульманами и христианами-коптами. «Братья-мусульмане» осуждали (правда, в очень мягкой форме) антихристианские выступления салафитов, но некоторые из них нередко оказывали им тайную, а в ряде случаев и открытую поддержку.

«Братья-мусульмане» явно пытаются извлечь из салафитского экстремизма максимум политических дивидендов. Сравнивая себя с салафитскими группами, они стараются показать, что экстремистами не являются.

Высший совет Вооруженных сил, который взял на себя руководство страной в трудное для

нее время, не сумел осуществить свои планы в полной мере. Ему не удалось сохранить прежний режим, ограничившись «косметическим» его изменением.

Под непрерывным нажимом со стороны революционной молодежи и других политических сил, которые начали действовать активно, ВСВС был вынужден распустить органы госбезопасности и правящую партию, а также арестовать подозрительных бизнесменов и руководителей этой партии, аппарата госбезопасности и МВД. Под суд попал даже сам бывший президент страны, который был задержан. Однако Совет не тронул компании, служившие прежнему режиму, в результате чего контрреволюция сохранила каналы финансирования.

Некоторые политические аналитики утверждают, что контрреволюционным силам потворствует само высшее военное руководство. В египетской армии, разумеется, есть люди, связанные с «Братями-мусульманами» или сочувствующие им. По мнению этих аналитиков, Совет далеко не случайно проявлял медлительность, например, в расследовании обстоятельств уничтожения ряда досье, хранившихся в сейфах госбезопасности, накануне роспуска этой службы и сразу после него. Видимо, имело место и использование старых кадров и внештатных агентов госбезопасности (в том числе членов некоторых экстремистских групп) в целях разжигания религиозно-общинной розни.

Решив провести поправки к действующей конституции (вместо принятия нового основного закона), Высший военный совет организовал 19 марта 2011 года референдум по этому вопросу, на котором свыше 70% избирателей высказалось за принятие поправок.

Накануне референдума «Братья-мусульмане» и контрреволюционные силы провели пропагандистскую кампанию, в ходе которой утверждали, будто сторонники гражданского общества и светского государства хотят отменить

вторую статью конституции и лишить Египет его исламского облика. В результате многие простые египтяне отдали свои голоса в поддержку конституционных поправок.

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЕГИПЕТ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ

Высший совет Вооруженных сил обещал, что после передачи власти гражданскому правительству армия вернется в казармы. Однако некоторые эксперты полагают, что армия попытается найти для себя место в будущем политическом устройстве страны. Ведь с 1952 года власть в Египте принадлежала именно военным, и трудно представить себе, что они так легко от нее откажутся.

Другие аналитики считают, что сентябрьские парламентские выборы 2011 года, а также будущие президентские выборы пройдут в соответствии со старым избирательным законом при принятии некоторых чисто формальных поправок. В результате, политический ислам, представленный в основном «Братями-мусульманами» и олигархами, получит неоправданные преимущества не только в будущем парламенте, но и в других государственных институтах Египта, облик которых предстоит сформировать будущему парламенту. Это затруднит принятие новой конституции подлинно гражданского государства. В случае же принятия новой конституции после парламентских и президентских выборов она будет обеспечивать интересы представителей политического ислама, финансовых магнатов и военных.

Третьи полагают, что военные вместе с силами политического ислама, консервативными партиями (в т.ч. будущей «наследницей» НДП) и финансовыми магнатами постараются создать режим, который покончит с завоеваниями революции, но будет угоден некоторым региональным

и международным силам. И в любом случае результат этих попыток не будет способствовать переходу страны к демократическому строю и превращению Египта в гражданское или светское государство.

По мнению некоторых египетских и иностранных аналитиков, будущая политическая система в Египте будет напоминать пакистанскую. Этот вариант удовлетворяет США и сохранит за страной стереотипный имидж, который существует на Западе в отношении арабских и других мусульманских государств. Другие полагают возможным возникновение в Египте аналога турецкого режима при формальном сохранении государством исламского «лица».

Пакистанская модель, возможно, устраивает «Братьев-мусульман» и армейское командование. Отсюда вялая реакция властей на попытки разжигания религиозной розни и их явное нежелание бороться с экстремистскими салафитскими группами. Некоторые комментаторы усматривают в этом стремление ВСВС создать в стране новые политические и социальные противоречия, которые дали бы повод военным взять Египет под плотный контроль даже после формирования гражданского правительства.

В случае достижения договоренности между Советом и «Братьями» последние могут согласиться на турецкую модель в обмен на гарантии их прихода к власти. Но здесь все будет зависеть от облика новой конституции и того, каким будет будущее государство - гражданским или светским, президентским или парламентским.

ВСВС явно пытается укрепить в обществе идею о том, что армия является единственным гарантом успеха революции и сохранения ее завоеваний. Это во многом объясняет медлительность Совета в принятии решений, его запоздалую реакцию на события и, в частности, на вспышки религиозно-общинной конфронтации, которая, как по-

казала египетская революция, распространялась при попустительстве органов безопасности, а зачастую напрямую разжигалась ими.

Пытаясь утвердить в обществе эту идею, Совет обеспечивает себе поле для маневра в будущем и предлог для вмешательства в государственные дела.

Религиозно-общинная вражда может стать сильнейшим фактором внутривнутриполитической жизни Египта, если принцип гражданства не ляжет в основу новой конституции, не будет сделан акцент на реализацию гражданских свобод, из удостоверений личности не будут убраны графы, указывающие на религиозную и профессиональную принадлежность граждан, и не будут приняты законы, карающие за разжигание межобщинной розни.

Эта проблема может также стать одним из серьезнейших и опаснейших поводов для иностранного вмешательства. Не исключено, что некоторые региональные и международные силы будут сознательно разжигать пламя межрелигиозных противоречий в Египте. При этом события будут преподноситься как подтверждение правоты тех западных журналистов и исследователей, которые утверждали, что произошедшее в Египте было переворотом, устроенным «Братьями-мусульманами», и страной отныне правит политический ислам.

Многое говорит о том, что события в Египте были «национально-демократической» революцией, выдвинувшей некоторые социальные требования. Она развивалась не по классическим сценариям и лекалам и не была социальной революцией с конкретной идеологией и конкретными требованиями. Отсюда ожесточенное сопротивление, которое Высший военный совет, политический ислам и контрреволюция оказывают корпоративным и социальным требованиям рабочих и работников государственных предприятий. Эти силы стремят-

ся к тому, чтобы происходящее в стране не вышло за рамки «национально-демократических» перемен и не привело к социальным и экономическим преобразованиям. Ибо лишь при таком условии указанные силы имеют шанс сохранить полный контроль над властными структурами и направить движение страны на обслуживание своих интересов.

Именно этим можно объяснить проволочки с преследованием деятелей бывшего режима и компаний, которыми они владеют и управляют, а также с принятием мер в отношении арабского и иностранного капитала сомнительного происхождения.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ СЕГОДНЯШНЕГО ЕГИПТА

После революции 25 января политический пейзаж Египта усложнился. Есть армия и Высший совет Вооруженных сил; есть «Братья-мусульмане» и салафитское движение; есть Фронт аль-Барадеи (Народная кампания в поддержку аль-Барадеи и Национальная ассоциация за перемены); есть Фронт левых сил, партия «Васат», партия «Вафд», Насеристская партия, Национально-прогрессивная партия, партия «Завтра» и другие партии, блоки и «фронты».

Но реальными силами, способными активно участвовать в политических процессах и законотворческой деятельности, являются лишь некоторые из них, а именно армия и ВСВС, «Братья-мусульмане» и Фронт аль-Барадеи. За ними идут: Фронт левых сил, насеристы, партия «Завтра» (которую возглавляет Айман Нур) и прочие партии, организации и ассоциации. Очевидно, что политический ислам («Братья-мусульмане»), левые и националистические силы (Фронт левых сил, НПП и насеристы) действуют параллельно.

Выше уже говорилось о расколе в рядах «Братьев-мусульман»: молодые активисты организации заявили о своей приверженности

новым методам и формам борьбы, соответствующим послереволюционному периоду, что вызвало восхищение у либералов, левых и представителей политической и интеллектуальной элиты. Впрочем, старое руководство «Братства» может попытаться использовать этот успех.

Что касается левых партий (как легальных, так и официально не признанных), то они переживают разброд и глубокий идейный кризис, к тому же они погрязли в склоках и скандалах. Это, в частности, касается партийных кадров, занимающихся предпринимательством и «политическим бизнесом». Однако этим партиям в известной мере удалось использовать в своих интересах политический успех левой молодежи, которая в последние годы активно действовала совместно с либералами и молодым поколением «Братьев-мусульман» среди рабочих и представителей элит и которая многого добилась в организационном и идейном плане.

Судя по всему, политические и законотворческие баталии развернутся между «Братьями-мусульманами» и Фронтом левых сил. При этом «Братья» имеют больше шансов на успех: их негласно поддерживают военные, а в левых кругах царит разброд, к тому же они дискредитировали себя раздуванием угрозы политического ислама, не говоря уже о том, что они погрязли в склоках. Остается Фронт аль-Барадеи, который ведет борьбу новыми способами. Он опирается на международные связи Мухаммада аль-Барадеи и его авторитет в мире, при этом пропагандирует либеральные идеи, которые разделяют многие представители политической, интеллектуальной и культурной элиты.

Фронт аль-Барадеи будет вести игру сразу на нескольких досках, действуя среди всех слоев египетского народа. В этом Фронту поможет его непричастность к политическим «грехам» как «Братьев-мусульман», так и

левых партий. В его послужном списке нет эпизодов сотрудничества со старым режимом; он был одним из первых движений, призывавших к революции, в то время как НПП и другие левые партии, равно как и «Братья-мусульмане», отказались участвовать в демонстрации 25 января.

В настоящее время и «Братья-мусульмане», и Фронт левых сил пытаются воспользоваться молодежной революцией, в которой они изначально не хотели участвовать. «Братья» имеют полное право надеяться, что смогут управлять Египтом, будучи реальной политической и общественной силой, имеющей прочные позиции в стране, в регионе и на международной арене. Но рассчитывать на это они могут лишь при условии сотрудничества с ВСВС, поскольку остальные политические силы отказываются иметь дело с «Братьями» в сегодняшнем виде и при нынешнем курсе этой организации. Что же касается Фронта левых сил, в который входят пять партий, то в той среде, на влияние в которой он претендует, он не пользуется популярностью. Здесь сказывается также общий спад левого движения на фоне новых экономических, социальных и политических реалий, существующих в арабском мире и на международной арене.

* * *

Некоторые российские арабисты предпочитают упрощенную картину событий и готовые шаблоны. Они либо неспособны уследить за политическими, интеллектуальными, культурными и прочими изменениями, происходящими в Египте, либо солидарны с силами, враждебными интересам народов, их горячему стремлению к свободе и демократии, к социальным и экономическим преобразованиям, которые помогут развитию их страны и реализации их интересов. Многие российские ученые десятилетиями изучали один только политический ислам. При этом они

упускали из виду существование в Египте левых, либеральных и патриотических течений.

Удивительно, что эти ученые так упорно убеждают руководство своей страны в верности своих схем и сценариев, которые искажают завоевания египетской революции и раздувают опасность, исходящую от политического ислама и религиозных течений в целом. В перспективе такой взгляд может повредить интересам этих стран не только в Египте, но и в любой другой стране, пошедшей по тому же пути.

Складывается впечатление, что практических политиков во многих странах Запада - в том числе в России - этот поверхностный взгляд на события вполне устраивает. Эти политики стали «заложниками» старого поколения арабистов и востоковедов, которые склонны изображать египтян какими-то фанатиками. Такая ситуация создает серьезную угрозу интересам этих стран, обрекая их вечно отставать от поезда или садиться в его последний вагон.

*Перевел с арабского
А.В. КУДРЯВЦЕВ,
кандидат исторических наук*

¹ В октябре 2010 г. председатель партии «Вафд» ас-Сайид аль-Бадави, один из владельцев независимой газеты «Ад-Дустур», уволил ее главного редактора Ибрахима Ису и еще несколько десятков журналистов. По словам Исы, его увольнение произошло через несколько часов после того, как ему было сказано не публиковать статью одного из лидеров египетских реформаторов Мухаммада аль-Барадеи, и через день после перехода газеты в собственность партии, симпатизирующей правительству.

² В Египте сторонники понимания ислама в духе «праведных предшественников» (ас-салаф ас-салих) представлены несколькими группами, одна из которых участвовала в демонстрациях на площади Тахрир. При идейном родстве с «Братьями-мусульманами» салафиты занимают более радикальные позиции по ряду вопросов общественной жизни. Одной из характерных черт салафитского движения в Египте является его враждебность в отношении местных христиан-коптов, которых салафиты обвиняют в установлении своего «засилья» в стране.